

Два Пьеро и мама с папой

Три предновогодние театральные премьеры

В предновогодние дни театральная жизнь Москвы стала жаркой — сразу несколько премьер в ведущих столичных театрах. О трех из них — в «Современнике», Малом и Театре Наций — рассказывают корреспонденты «Известий».

Известия — 2002 — 30 дек. — с. 8

Елена ГУБАЙДУЛЛИНА,
Павел РУДНЕВ

Дочки-матери на фоне руин

В последние недели декабря «Современник» выдал публике сразу две новые работы. Причем обе принадлежат режиссерам-«варягам» и, более того, постановщикам с вполне экстремистскими сценическими задачами. Вслед за «Сладкоголосой птицей юности» Кирилла Серебренникова в минувшую субботу «Современник» представил премьеру спектакля «Мамапапасынсобака» режиссера Нины Чусовой, блестящей дебютантки прошло-

Нина ЧУСОВА, режиссер:

Сербский мат очень похож на русский

— Где вы нашли эту пьесу?

— Пьесу, которая в оригинале называлась «Семейные истории», показали актеры из польского города Ополе на фестивале «Новая драма» летом 2002 года. Специально для нас пьесу взяла переводить актер «Современника» Сергей Гирин, который знал сербский язык по первому образованию.

— Пришлось ли вам адаптировать текст под российскую публику?

— Конечно. Мы сохранили общую конструкцию и тему пьесы. Мы оставили в неприкосновенности ее жестокий стиль. Но нам пришлось уйти от некоторых слишком специфических и непонятных для москвичей реалий войны в Югославии. В пьесе есть, кстати, авторская ремарка, которая освобождает переводчика от доскопальной передачи текста. В спектакле осталось несколько матерных выражений, но, поверьте, мы сохранили только цветочки. Сербский мат очень похож на русский. Забавно, что после премьеры ко мне подходили люди и укоряли меня тем, что в жизни дети, дескать, матом не ругаются...

— Не кажется ли вам, что потребность театра в новой пьесе сегодня связана с потребностью в публицистике?

— Думаю, да. От театра сегодня ждут более ответственных поступков. Идея театра только как развлечения уходит. Совсем недавно режиссеры только и думали, как поставить хороший спектакль. А наше время требует, чтобы спектакль каким-то образом еще и воздействовал на зрителя.

рович и сильно похудевший Венямин Смехов.

Но на деле неглавное событие обернулось сильным театральным впечатлением. На сцене можно было увидеть Ольгу Дроздову в коротком ситцевом платьице, наивных чулочках и алых «маминных» туфлях, неизвестную Чулпан Хаматову в роли хулиганистого грассирующего подростка, Галину Петрову в «отцовских» шароварах и с «петушком» на голове и дебютантку Полину Рашкину — молчком больную девочку. Актерский ансамбль — безупречен.

Сербские дети, которых война превратила в неприютных сирот, играют во взрослую жизнь, и в их безжалостной пародии наш мир оказывается страшно инфантильным и беспомощно агрессивным. Нина Чусова поставила лютый трагифарс в ритме социального рэпа, музыки спальных районов на грани гражданской войны. Девочки играют в «дочки-матери» на фоне разрушенного быта, расписанных граффити стен и напевают злую кислотную песенку с рефреном: «Клёво, клёво, потому что жизнь сурова».

Счастье от ума

«Правда — хорошо, а счастье лучше» — второй спектакль Сергея Женовача в Малом театре стал своеобразным продолжением его первой постановки в Доме Островского — «Горе от ума». Коллизии грибоедовской пьесы повторились в чуть сниженном, приземленном варианте со счастливым концом. К тому же из одной постановки в другую перешел и дуэт молодых актеров. Леб Подгородинский, играющий Чацкого, стал теперь правдолюбом Платоном Зыбкиным, а Ирина Леонова (Софья в «Горе от ума») сыграла его богатую невесту Поликсену.

Счастье к молодым, согласно Александру Николаевичу Островскому, приходит, конечно, не са-

мо собой, а в результате парадоксальнейшего стечения обстоятельств. Замоскворецкий «Фамусов» — Мавра Тарасовна Барабошева, стерегущая внучку пуше глаза, внезапно встречает зазубу юности, теперь уже унтера в отставке Силу Ерофеича Грознова. Необыкновенный переворот в личной жизни смягчает властную барыню. В финале спектакля, ладном, как русская пословица, она уже на все согласна. Возрастной дуэт новой постановки «Правды — хорошо» стал ярким событием нынешнего театрального сезона. Барабошеву и Грознова играют Евгения Глушенко и Василий Бочкарев.

Мудрая, хитрая, ироничная обаятельная и обстоятельная игра мастеров знакомит с несколько непривычным Островским. С Островским, избавленным от картонного бытовизма и нажима на «меткое московское словцо». С Островским психологических полутонов и тончайшего юмора.

Непривычны и декорации Александра Боровского — длинный серый забор да ряды протянутых веревок для сушки яблок. Но образ двора-тюрьмы обманчив. Доски ограды расшатаны, поминутно распахивается калитка, а за пределами барабошевского сада слышна гульба праздной молодежи. Мир настолько устойчив и спокоен, что навредить ему не может ни мелкое воровство, ни бедовые выходки горячих голов.

Остается надеяться, что счастливая диалогия Сергея Женовача в Малом театре перерастет в не менее успешную трилогию.

Белый смех и белые слезы

Радостную пародию на мюзиклы играют молодые артисты Театра Эстрады. Родной дом целиком и полностью сдан в аренду команде Киркорова, сверкающую сцену пришлось сменить на руины быв-

МИХАИЛ ГУТЕРМАН

Сербские дети в спектакле Нины Чусовой «Мамапапасынсобака»

шего театра Корша. Но обстановку разрухи отнюдь не мешает ни шарму, ни азарту, ни обаянию. Отселенцы ничуть не хуже тех, кто занят в «Чикаго».

Постановщица Ирина Лычагина соединила малоизвестную пьесу Эдмона Ростана «Два Пьеро, или Белый ужин» и хитовые композиции Дюка Эллингтона. Получилась степ-фантазия «Белый джаз для двух Пьеро». На крошечной сцене, естественно, все белым-бело. Художник Евгений Никаноров продемонстрировал, как сотворить шик и блеск из ничего. Двери-вертушки, встроженные в полукруг, изящные стремянки по углам, в центре — подиум из круглых ступенек, он же стол. Еще понадобились электролампочки — самые обычные, из хозяйственного обихода. Это и украшения-гирлянды, и реквизит — фрукты, бокалы, букетики цветов. Стекляшками манипулируют с небрежной снисходительностью, в том же духе произносят и высокопарные сентенции Ростана, как бы между прочим отстукивают сложные степ-параболы и заливаются эллингтоновскими руладами на чистом английском языке.

Сюжет и прост, и философичен. Скончался Арлекин, и Колумбину Кассандровну одолевают

поклонники с одинаковыми именами, но противоположными характерами. Пьеро-1 любит жизнь, как новорожденный щенок. Пьеро-2 тоскует и жалуется на мир, как избалованный поэт-декадент, зато умничает не хуже какого-нибудь принца датского. Дама поминутно перебегает от одного к другому, не в силах выбрать между несокрушимым оптимизмом и премудрой меланхолией. Выбор тонкой серебряной дивы (Ольга Бергер) осложняется тем, что Пьеро-1 (юркий и острый Владимир Панков) лучше всех танцует, а Пьеро-2 (Мохамед Абдель Фаттах) обольстительно шеголяет обертонами завидного баритона. Проказливые наперстницы Оломина (Алиса Эстрина) и Ломбина (Алина Ольшанская) подгоняют историю к развязке, суетись и советует. В конце концов прима выбирает смех.

Артисты хазановской труппы, судя по всему, тоже унывать совсем не собираются. Знаменитый выпуск РАТИ (мастерская Владимира Кудряшова) так и не стал новым театром на Берсеневской. Но не распался, найдя гостеприимный приют в другом месте. На афишах и программах «Белого джаза» значится гриф не Театра Эстрады, а Театра Наций.

30.12.02

Чусова Нина

186